

ЭЛОИЗА ДЖЕЙМС
ПОКОРЕННЫЙ
ЕЕ КРАСОТОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д40

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Eloisa James

WHEN BEAUTY TAMED THE BEAST

Перевод с английского Л. В. Сазоновой

Компьютерный дизайн С. П. Озеровой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
InkWell Management и Synopsis.

Джеймс, Элоиза.

Д40 Покоренный ее красотой : [роман] / Элоиза Джеймс ; [пер. с англ. Л. В. Сазоновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094798-0

Нелюдимого, сурового Риса Йелвертона, графа Марчента, живущего затворником в своем замке, молва давно уже превратила в ужасное чудовище и женоненавистника. Вот с каким женихом предстоит иметь дело Линнет Берри Тринн, но она не робкого десятка. Линнет совершенно уверена: не пройдет и двух недель, как покоренное красотой, умом и очарованием «чудовище» падет к ее ногам и превратится в пылкого и страстного влюбленного!..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Eloisa James, 2011

© Перевод. Л.В. Сазонова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-094798-0

Глава 1

Жила-была однажды...

В волшебных сказках красавицы встречаются так же часто, как галька на морском берегу. Прелестные молочницы соседствуют с прекрасными принцессами, и если бы кто-нибудь задался целью пересчитать каждую пару сияющих, как звезды, глаз, получилась бы целая галактика.

Это сияние делает еще более печальным тот факт, что реальные женщины редко могут сравниться со своими вымышленными соперницами. У них желтоватые зубы и пятнистая кожа. Под носами у них красуются усики, а носы такие длинные, что мышь могла бы скатиться с них на лыжах.

Бывают, конечно, и хорошенькие. Но даже они не лишены недостатков, свойственных человеческой плоти, как посетовал давным-давно Гамлет.

Короче, женщины, которые действительно затмевают солнце, большая редкость. Не говоря уже о том, что у них зубы, как жемчуг, голос, как у жаворонка, и лица такие красивые, что ангелы заплакали бы от зависти.

Линнет Берри Тринн обладала всеми вышеперечисленными достоинствами, кроме, пожалуй, звонкого, как у жаворонка, голоса. Тем не менее голос у нее был приятный, и ей не раз говорили, что ее смех подобен звону золотых колокольчиков и напоминает трели пусть не жаворонка, но коноплянки.

Даже не глядя в зеркало, она знала, что ее глаза сияют, волосы блестят, а зубы сверкают белизной.

Словом, она была из тех девушек, кто мог подвигнуть конюха на героический поступок и вдохновить принца на такое отважное деяние, как продираться через заросли ежевики только для того, чтобы одарить ее поцелуем. Но все это не могло изменить главного.

Со вчерашнего дня она стала особой, неподходящей для брака.

Бедствие имело прямое отношение к сущности поцелуев и последствиям, которые они влекут за собой. Хотя правильнее было бы говорить о сущности принцев. Точнее, определенного принца, а именно Августа Фредерика, герцога Суссекса.

Он поцеловал Линнет, причем не один раз. Собственно, он целовал ее множество раз. И пылко признавался в любви, не говоря уже о клубнике, которую он забросил в окно ее спальни как-то вечером (учинив ужасный беспорядок и приведя садовника в ярость).

Единственное, чего он не сделал, так это не предложил ей руку и сердце.

— Просто позор, что я не могу жениться на вас, — сказал он извиняющимся тоном прошлым вечером, когда разразился скандал. — Мы, королевские отпрыски... не вправе делать все, что пожелаем. Мой отец буквально помешан на традициях. Жаль, что все так неудачно получилось. Вы, должно быть, слышали о моем первом браке, который был аннулирован, потому что Виндзоры* сочли, что Августа недостаточно хороша для них, а она была дочерью графа.

Линнет не была дочерью графа. Ее отец был виконтом, к тому же не слишком родовитым. Не то чтобы она знала о первом браке принца. Все, кто наблюдал за их романтическими отношениями в течение последних нескольких месяцев, забыли сообщить ей о том, что принц имеет склонность

ухаживать за особами, на которых он не может — или не должен — жениться.

Принц поклонился, круто повернулся и вышел из бального зала, чтобы удалиться в Виндзорский замок — или куда там бегут крысы, когда корабль тонет. Оставив Линнет одну, не считая ее строгой компаньонки и благородной публики, собравшейся в бальном зале. Обстоятельство, заставившее ее мгновенно сообразить, что немалое количество лондонских матрон и девиц на выданье охотно — если не злорадно — занесут ее в категорию доступных девиц.

В течение нескольких секунд после ухода принца никто из присутствовавших не решался встретиться с ней взглядом. Перед ее глазами предстало море повернутых спин. А вокруг раздавались смешки и хихиканье, подобные гоготу стаи гусей, готовящихся лететь на север. Хотя лететь, конечно, следовало ей — на север, на юг, не важно, лишь бы подальше от этой унижительной сцены.

Самое обидное заключалось в том, что Линнет не была доступной девицей. Она была такой же, как другие, введенные в заблуждение принцем.

Разумеется, она наслаждалась, завладев вниманием главного приза сезона, белокурого и обаятельного Августа, однако не льстила себя надеждой, что он на ней женится, и не собиралась отдавать ему свою невинность, не имея кольца на пальце и одобрения короля.

И все же она считала его другом, что сделало ситуацию еще более обидной, когда он не явился к ней на следующее утро после ее унижения.

Август был не единственным, кто не счел нужным ее известить. Линнет обнаружила, что стоит у окна своего городского дома, словно желая убедиться, что никто не приехал с визитом. Ни одна живая душа.

А ведь с того дня, как она дебютировала в свете несколько месяцев назад, ее парадная дверь служила чем-то вроде портала к Золотому руну — то есть к незаурядной, восхитительной особе. Молодые люди прибывали

к ее порогу в каретах, верхом, пешком, оставляя визитные карточки, цветы и разнообразные подарки. Даже принц снизошел до того, чтобы нанести ей четыре утренних визита, что само по себе было неслыханным комплиментом.

Но теперь... дорожка к ее дому была пуста, сверкая на солнце полированным камнем.

— Я просто не в силах поверить, что все это произошло из-за пустяка! — раздался за ее спиной голос отца.

— Принц действительно поцеловал меня, — сухо отозвалась Линнет. — Что можно было бы считать пустяком, если бы нас не увидела баронесса Баггин.

— Подумаешь, поцеловал! Поцелуи — это чепуха. Но хотелось бы знать, почему пошли разговоры, будто ты ждешь ребенка? Его ребенка! — Виконт Сандон подошел ближе, остановившись рядом с Линнет и глядя вместе с ней на пустую улицу.

— По двум причинам. Ни одна из них не связана с ребенком, если тебя это волнует.

— И что за причины?

— Я съела испорченную креветку на музыкальном вечере у леди Бриммер в прошлую среду.

— И что? — поинтересовался виконт.

— Меня стошнило, — сообщила Линнет. — Я даже не успела добежать до дамской комнаты. Меня вырвало в горшок с апельсиновым деревом. — Линнет содрогнулась при одном лишь воспоминании об этом.

— Какая несдержанность с твоей стороны, — заметил виконт. Он терпеть не мог телесные проявления. — Как я понимаю, это было принято за роды?

— Не роды, папа, а состояние, которое предшествует им.

— Конечно. Но ты же помнишь, как миссис Андерфут вывернуло в тронном зале чуть ли не на короля Норвегии? Без всяких креветок или детей на подходе. Все поняли, что почтенная дама выпила лишнего. Мы могли бы сказать, что ты алкоголичка.

— Разве это решит мою проблему? Сомневаюсь, что найдется много желающих жениться на пьянице. В любом случае дело не только в креветке. А в моем платье.

— А что с твоим платьем?

— Прошлым вечером на мне было новое бальное платье, и определенно мой профиль дал основания думать, будто я беременна.

Отец резко повернул ее к себе и уставился на ее талию.

— По-моему, ты выглядишь как обычно. Разве что вырез слишком велик. Ты уверена, что тебе нужно так обнажаться?

— Ну, если я хочу выглядеть как пожилая матрона, — отозвалась Линнет с некоторой горячностью, — тогда да, мне не нужно так обнажаться.

— В этом вся проблема, — заметил лорд Сандон. — Ты выглядишь слишком соблазнительно. Проклятие, я же сказал твоей компаньонке, что ты должна выглядеть скромнее всех окружающих! Неужели я должен все делать сам? Неужели нельзя выполнить такое простое указание?

— Мое бальное платье не было откровенным, — возразила Линнет, но отец ее не слушал.

— Я старался, видит Бог, старался! Я отложил твой дебют в надежде, что зрелость придаст тебе выдержки, чтобы предстать перед пристрастным вниманием света, учитывая репутацию твоей матери. Но что толку в выдержке, если твое декольте буквально кричит о том, что до скромницы тебе далеко?..

Линнет вздохнула:

— Эта история не имеет никакого отношения к декольте. Катастрофу вызвало мое платье. Видишь ли, у него две нижние юбки...

— Я хочу видеть его, — заявил лорд Сандон, перебив ее. — Иди и надень его.

— Я не могу надеть бальное платье в это время дня!

— Наденешь. Сейчас же. И передай своей компаньонке, чтобы тоже спустилась вниз. Я хочу слы-

шать, что миссис Хатчинс может сказать в свое оправдание. Я нанял ее специально, чтобы предотвратить нечто подобное. Она напускала на себя такой чопорный вид, что я доверился ей!

Линнет пришлось надеть бальное платье.

Оно было скроено таким образом, чтобы плотно облегать грудь. Зато сразу под грудью юбка расходилась, демонстрируя нижнюю юбку из очаровательного бельгийского кружева, которая тоже расходилась, открывая еще одну юбку из белого шелка. В модном журнале в лавке мадам Демартен этот фасон смотрелся весьма изысканно, и, когда Линнет надела платье прошлым вечером, ей понравилось то, что она увидела.

Но теперь, когда горничная расправила юбки под надзором миссис Хатчинс, глаза Линнет устремились туда, где должна была находиться ее талия.

— Ну и ну, — удрученно произнесла она. — Я действительно выгляжу так, словно жду ребенка. — Она повернулась боком. — Вы только посмотрите, как эти юбки топорщатся спереди. Это все из-за сборок под грудью. Я могла бы спрятать пару младенцев под этими складками.

Ее горничная Элиза не решилась высказать свое мнение, но ее компаньонка не проявила подобной деликатности.

— По-моему, это не столько нижние юбки, сколько ваша грудь, — с неодобрением заявила горничная, словно считала Линнет ответственной за пышность ее бюста.

На взгляд Линнет, у миссис Хатчинс было лицо горгульи, наводившее на мысли о средневековой церкви во всей ее религиозной одержимости. Именно поэтому виконт и нанял ее.

Линнет снова повернулась к зеркалу. У платья и вправду был низкий вырез, что она, честно говоря, считала достоинством, учитывая, сколько молодых людей, казалось, были не в состоянии поднять глаза выше ее

подбородка. Это занимало их внимание и давало Линнет возможность грезить о том, что она находится вдали от балльного зала.

— Вы слишком щедро одарены природой, — продолжила миссис Хатчинс. — А если к этому добавить выпуклость спереди, образуемую юбками, можно подумать, что вы ожидаете счастливое событие.

— Вряд ли его можно назвать счастливым, — возразила Линнет.

— Не в ваших обстоятельствах, — согласилась миссис Хатчинс, прочистив горло. У нее был на редкость раздражающий способ прочищать горло, и, как Линнет усвоила за последние несколько месяцев, это означало, что она собирается сказать что-то неприятное.

— Как мы могли не заметить этого? — воскликнула Линнет с досадой, перебив компаньонку, прежде чем та успела высказать свои критические замечания. — Ужасно несправедливо лишиться репутации и, возможно, даже шанса выйти замуж только из-за того, что у этого платья слишком много сборок и нижних юбок.

— Во всем виноваты ваши манеры, — заявила миссис Хатчинс. — Вам следовало усвоить из примера вашей матушки, что, если вы ведете себя слишком вольно, люди принимают вас за доступную девицу. Я старалась изо всех сил, давая вам советы относительно приличного поведения, но вы не обращали на них внимания. А теперь пожинаете то, что посеяли.

— Мои манеры не имеют никакого отношения к этому платью и тому, как оно преобразило мою фигуру, — возразила Линнет. Она редко удосуживалась тщательно изучать себя в зеркале. Если бы она была более внимательной и повернулась боком...

— А декольте? — упорствовала миссис Хатчинс. — Вы выглядите, как дойная корова, извините меня за такое сравнение.

Поскольку Линнет не собиралась ничего извинять, она просто проигнорировала эту реплику. Жаль, что никто не предупредил ее об опасности. Женщина должна смотреть на себя сбоку, когда одевается, иначе она может обнаружить, что весь Лондон считает, будто она ждет ребенка.

— Я знаю, что вы не беременны, — неохотно призналась миссис Хатчинс. — Но я никогда бы не поверила в это, глядя на вас сейчас. — Она снова прочистила горло. — Если хотите знать мое мнение, я бы прикрыла этот ваш бюст чуть больше. Ваше декольте неприлично. Я не раз пыталась сказать вам об этом за те два месяца и двадцать три дня, что я живу в вашем доме.

Линнет сосчитала до пяти, прежде чем ответить:

— У меня нет другого бюста, миссис Хатчинс, все носят платья такого фасона. В моем декольте нет ничего особенного.

— Вы выглядите в нем как парусник, — сообщила компаньонка.

— Парусник? Вы имеете в виду корабль?

— Именно. Из тех, что побывал во многих гаванях!

— По-моему, это первая шутка, которую я слышу от вас, — заметила пораженная Линнет. — Подумать только, а я опасалась, что у вас нет чувства юмора.

Уголки губ миссис Хатчинс неодобрительно опустились, но она воздержалась от дальнейших замечаний и отказалась сопровождать Линнет вниз, в гостиную.

— Я не имею никакого отношения к тому, что произошло с вами, — заявила она. — Это небесная кара, так и передайте своему отцу. Я сделала все, что было в моих силах, чтобы привить вам моральные принципы, но было слишком поздно.

— Мне кажется, это несправедливо, — возразила Линнет. — Даже самый легкий парусник должен иметь шанс побывать хотя бы в одной гавани, прежде чем пойти ко дну.

Миссис Хатчинс ахнула.

— И вы еще смеете шутить?! У вас нет понятия о приличиях — ни малейшего! Думаю, мы все знаем, кого в этом винить.

— А я думаю, что я лучше понимаю, что прилично, а что нет, чем большинство людей. В конце концов, миссис Хатчинс, это я, а не вы, выросла подле моей матери.

— В этом корень зла, — мрачно улыбнулась компаньонка. — Одно дело, если бы ее милость была дочерью суконщика, сбежавшей с лудильщиком. Кого интересуют подобные особы? Ваша мать крутила романы у всех на виду. Она не грешила тайком, а выставляла свою порочность напоказ!

— Крутила романы, — повторила Линнет. — Это что-то библейское, миссис Хатчинс?

Но компаньонка не удостоила ее ответом и, поджав губы, покинула комнату.

Глава 2

Замок Оуфетри, Пендайн, Уэльс

Фамильное гнездо герцогов Уиндбэнков

Пирс Йелвертон, граф Марчент и наследник герцога Уиндбэнка, испытывал довольно сильную боль. Он давно усвоил, что думать об этом неудобстве — какое нелепое слово для подобных мучений — значило бы дать ему власть, которую он не желал признавать. Поэтому он притворился, будто не замечает боли, и немного сильнее налег на трость, уменьшив нагрузку на правую ногу.

Боль и тот факт, что ему приходится стоять здесь, тратя время на настырного идиота, сделали его раздражительным.

— Мой сын страдает от острой диареи и боли в животе, — сообщил лорд Сэндис.

Сын Сэндиса лежал на постели, осунувшийся и желтый, как скатерть, закапанная чаем. На вид

ему было лет тридцать, и он выглядел невыносимо набожным со своим длинным лицом. Хотя, возможно, этим он был обязан молитвеннику, который сжимал в костлявых пальцах.

— Мы в отчаянии, — сказал Сэндис. Вид у него действительно был отчаянный. — Я приглашал к нему лучших лондонских докторов и привез его сюда, в Уэльс, в качестве последней надежды. Ему пускали кровь, ставили пиявки, давали настойки крапивы. Он не пьет ничего, кроме ослиного молока, и не выносит коровьего. Да, и еще мы лечили его серой, но все без толку.

— Типичная история, — отметил Пирс без особого интереса. — Видимо, одним из болванов, к которым вы обращались, был Сиднем. Он одержим серными примочками. Прописывает их даже при ушибе пальца. Вместе с опиумом, конечно.

Сэндис кивнул:

— Доктор Сиднем надеялся, что сера облегчит страдания моего сына, но она не помогла.

— И не могла помочь. Сиднем достаточно глуп, чтобы быть принятым в Королевский медицинский колледж, что само по себе говорит о многом.

— Но вы...

— Я поступил туда исключительно из жалости к ним. — Пирс помолчал, глядя на сына Сэндиса, который выглядел хуже некуда. — Видимо, вам не пошел на пользу весь путь, который вы проделали, притащившись в Уэльс, чтобы показать мне.

Тот удивленно моргнул, затем неуверенно отозвался:

— Мы ехали в карете.

— Воспаленные глаза, — отметил Пирс. — Признаки недавнего кровотечения из носа.

— И каковы ваши выводы? Что, по-вашему, ему нужно? — спросил Сэндис.

— Для начала вымыться. Он всегда такого

12 цвета?

— У него желтоватая кожа, — подтвердил Сэндис. — Наследственность, но не с моей стороны. — Это было еще мягко сказано, учитывая багровый цвет его носа.

— Вы никогда не объедались миногами? — спросил Пирс у больного.

Тот уставился на него с таким видом, словно у него выросли рога.

— Миногами? А что это такое? Я никогда их не пробовал.

Пирс выпрямился.

— Он не знает историю Англии. Лучше бы он умер.

— Вы спросили, не объедался ли он миногами? — уточнил Сэндис. — Он терпеть не может морскую пищу. Особенно угрей.

— Он еще и глухой. Генрих Первый обожал миноги. Один из многих безумных королей, правивших этой страной, хотя не такой безумный, как нынешний. И все же Генрих был достаточно туп, чтобы объесться миногами и умереть от этого.

— Я не глухой! — заявил больной. — Я слышу не хуже других, если люди говорят нормально, а не бормочут себе под нос. У меня болят суставы. Вот в чем проблема.

— Вы умираете. Вот в чем проблема, — возразил Пирс.

Сэндис схватил его за локоть и оттащил в сторону.

— Не говорите таких вещей в присутствии моего сына. Ему всего тридцать два года.

— У него тело восьмидесятилетнего. Наверное, прожил жизнь, путаясь с актрисами?

Сэндис возмущенно фыркнул:

— Нет, конечно! Наша семья происходит от...

— Лунатиков? Потаскушек? Жуликов, мопсов, макрелей? Впрочем, макрели возвращают нас к теме разговора, а вы уже сказали, что он терпеть не может морепродукты. Но как насчет рыбок женского рода?

— Мой сын — служитель церкви! — возмутился Сэндис.

— Ну, тогда понятно, — протянул Пирс. — Людям свойственно лгать, но церковники превращают ложь в искусство. У него сифилис. Церковники сплошь и рядом страдают этим недугом, и чем набожнее, тем чаще. Мне следовало догадаться, как только я увидел молитвенник.

— Только не мой сын, — заявил Сэндис таким тоном, словно и вправду верил в это. — Он верный слуга Господа. И всегда им был.

— Как я сказал...

— Я серьезно.

— Хм. Ну, если...

— Ни одной, — покачал головой Сэндис. — Он никогда... не интересовался. Когда ему исполнилось шестнадцать, я отвел его в бордель, но он не заинтересовался ни одной из девиц. Просто продолжал молиться, попросив их присоединиться к нему, чего они не пожелали. Его можно смело причислить к лику святых.

— Что ж, его святость вот-вот станет вопросом для вышних инстанций. И не в моих силах это изменить.

Сэндис схватил его за руку.

— Вы должны!

— Не могу.

— Но другие доктора давали ему лекарства и говорили...

— Все они болваны, не пожелавшие сказать вам правду.

Сэндис судорожно сглотнул.

— С ним все было в порядке, пока ему не исполнилось двадцать лет. Он был прекрасным, здоровым парнем и вдруг...

— Отвезите своего сына домой и дайте ему спокойно умереть. Ибо он умрет, независимо от того, пропишу я ему серные примочки или нет.

— Почему? — прошептал Сэндис.

— У него сифилис. Он глохнет, у него диарея, желтуха, воспаление глаз и суставов, носовое кровотечение.

И он наверняка страдает головными болями.

— У него никогда не было женщины. Никогда. Клянусь. У него нет язв в интимных местах, иначе мы бы знали об этом.

— Для этого не обязательно быть с женщиной, — сказал Пирс.

— Как же он мог заразиться сифилисом без...

— Он мог быть с мужчиной.

Сэндис выглядел таким шокированным, что Пирс сжался над ним.

— Или все дело в вас. Цветущие девицы, которых вы посещали в юности, могли заразить парня еще до его рождения.

— Я лечился ртутью, — запротестовал Сэндис.

— Бесполезно. Вы до сих пор заражны. А теперь прошу извинить меня. У меня есть важные дела. Такие, как лечение пациентов, которые еще протянут пару лет.

Выйдя из комнаты, Пирс обнаружил за дверью своего дворецкого Прафрока.

— Интересно, как ты успеваешь выполнять свои обязанности? — сказал он. — Должно быть, трудно управлять домом, когда приходится постоянно торчать в коридоре, чтобы не пропустить ни одного бесценного слова, которое слетает с моих уст.

— Это совсем не сложно, — отозвался Прафрок. — Особенно с моим опытом. Вам не кажется, что вы были несколько суровы с лордом Сэндисом?

— Суров? Нисколько. Я ему в точности сказал, что с его сыном и что делать дальше. Если коротко, ехать домой и ждать ангельского хора, потому что на этой стороне мира чудес не бывает.

— Его сын умирает. И, если я правильно понял, он наградил беднягу болезнью. Это тяжелый удар.

— Мой отец нисколько бы не возражал, случись такое со мной, — заверил его Пирс. — Если бы у него был другой наследник, конечно. Но у Сэндиса целый выводок детей. Наследник и еще несколько запасных.